

Блохин В.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ 1860-х гг.: ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Статья посвящена малоизученным вопросам истории частной периодической печати, выходившей в различных регионах страны во второй половине XIX в. В качестве объекта своего исследования автор выбрал частные издания российской провинции 1860-х гг. На основе анализа цензурного законодательства этого времени, за счет привлечения ранее неизвестных документов и материалов в статье в общих чертах раскрываются особенности деятельности бюрократического механизма контроля за провинциальной прессой. Автор приходит к выводу, что созданная сложная и не отвечавшая задачам реформирования страны система контроля за печатью в провинции, продемонстрировала на практике свою ограниченность. В то же время ход преобразований в стране, особенно осуществление земской реформы, заинтересованность самой власти в развитии «гласности» и получения достоверной информации с мест, дали новые импульсы для развития местной прессы в 1860-е гг. Главным новым явлением в духовной жизни провинции становится появление на фоне традиционных видов печати (информационных листов) редкого для этого времени типа издания – частной общественно-политической газеты. Еще одной важной тенденцией становится увеличение, несмотря на искусственные ограничения, количества провинциальных изданий.

Ключевые слова: провинция, губернская периодическая печать, Временные правила 6 апреля 1865 г., частная общественно-политическая газета, газеты-листки, предварительная цензура

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-35-44

Ни один из законопроектов, знаменовавших эпоху реформ Александра II., не готовился столь долго, как закон, касавшийся проблем цензуры и развития печати. С 1857 г., когда появилось официальное высочайшее повеление о необходимости разработки нового устава о печати, и до 1865 г., т. е. до принятия очередного цензурного закона, было создано несколько специальных комиссий. Первую возглавлял в 1861 г. член Главного управления цензуры Александр Александрович Берте, две другие в 1862 и в 1863 гг. – статс-секретарь, князь Дмитрий Александрович Оболенский (сначала для Министерства народного просвещения, а затем для Министерства внутренних дел, куда 14 января 1863 г. была переведена цензура). Подготовленные проекты нового устава были отклонены, поскольку они не позволяли решить задачу сохранения государственного контроля над печатью при одновременном предоставлении ей некоторого «простора» и «гласности». Государственный совет принял решение ограничиться законом, который носил характер Временных правил, лишь обновлявших цензурный устав 1828 г.

На основании именного указа «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» [23, т. 40, отд. 1, № 41988] и утвержденного 6 апреля 1865 г. Александром

II мнения Государственного совета, подготовленный документ обрел нормативную силу, а с 1 сентября того же года вступил в действие. Временность принятых правил определялась необходимостью открытия новых судебных установлений, которые должны были поставить цензурные решения в прямую зависимость от суда. Однако император подписал Судебные уставы 20 ноября 1864 г., торжественное введение новых судов состоялось 17 апреля 1866 г., а Временные цензурные правила так и оставались «временными» еще на протяжении почти сорока лет.

Одним из ключевых пунктов, положенных в основание последующей практики взаимоотношений столичной печати с цензурным ведомством, являлся порядок административных взысканий, за обнаруженное в публикациях «вредное направление». Заимствованная из французского законодательства Второй империи Наполеона III, установленной 2 декабря 1852 г., эта система была задействована в Пруссии, Австрии и Турции, но только в России сохранялась вплоть до начала нового столетия и прекратила свое существование в условиях революционных событий 1905–1907 гг.: 24 ноября 1905 г. было отменено административное воздействие на периодическую печать, и установлена судебная ответственность за ее проступки.

Введённые в действие Временные правила распространялись только на столичные издания, сохранив предварительную цензуру для губернской печати. Известный публицист и издатель Б.Б. Глинский, констатировал: «суть дела осталась та же самая, т. е. местная администрация по-прежнему держала прессу в своих руках и была вольна в жизни и смерти любого губернского или уездного органа в каждое данное время» [8, с. 303]. Однако введенные правительством новшества не могли ни оказать воздействия на общественную жизнь провинции, поскольку губернские власти получили своеобразный сигнал из центра, определявший иное отношение к положению местной печати.

В статье предпринята попытка анализа некоторых из проблем, которые были присущи провинциальным частным периодическим изданиям в 60-е годы XIX столетия, ставится вопрос о том, как на особенностях их развития сказались законодательные новшества этого времени.

Говоря об изучении истории губернской печати, приходится констатировать, что внимательное ее исследование начиналось только тогда, когда обрело черты целостности и видимой завершённости обследование наиболее влиятельных и популярных органов периодической печати Петербурга и Москвы. Однако применительно не только к советскому, но отчасти и к современному периоду, при общей позитивной тенденции к росту интереса исследователей к проблемам провинциальной прессы, приходится констатировать сохранение, правда, в разных пропорциях элементов традиционных подходов, основанных на принципах «партийности печати».

За некоторым исключением [24, 16, 5, 11, 28, 27], провинциальные издания и сегодня зачастую изучаются только в рамках территорий, к которым они относились, без учета общих особенностей развития провинциальной прессы. Далек не везде местные органы печати этого периода заняли достойное место в истории «нравственного влияния» [21] на общественное мнение и правительственную политику, гораздо чаще провинциальные издания рассматриваются лишь «как фактор культуры региона» [2, с. 35].

Характерная для 1840-х – 1850-х гг. тен-

денция к созданию своих собственных органов прессы только для крупных промышленных, финансовых и торговых центров страны, к концу 1860-х гг. превращается в обыденное явление практически во всех губерниях, а иногда и уездных городах империи. Главным новым явлением в духовной жизни провинции становится появление редкого в прежние времена для этих мест типа издания – частной общественно-политической газеты. Ещё сохранялись традиционные виды печати – справочные листки, которые, впрочем, к концу 1860-х гг. уже отличались не только по содержанию, но даже по своему внешнему виду от своих предшественников.

В 1866 г. появился «Астраханский справочный листок» (с 1881 г. – ежедневный), в 1867 г. с периодичностью 3 раза в неделю стал выходить «Справочный листок города Казани». В 1868 г. был учрежден «Кронштадтский листок» (ранее «Листок объявлений Кронштадта, Петергофа и Ораниенбаума»), выходивший 2 раза в неделю. «Коммерческий листок» издавался Саратовским коммерческим клубом в 1868–1869 гг. Тогда же появился «Казанский биржевой листок» (1868–1883 гг.), который в 1884 г. превратился в «политическую, общественную и литературную» газету, просуществовавшую до 1892 г., преодолев множество преград, сменив за это время более десяти редакторов и около десяти издателей. В 1869 г. возникли «Воронежский справочный листок» (1869–1871 гг.), и «Липецкий летний листок» (1869–1877 гг. еженедельно в течение летнего сезона).

Главная причина, служившая обоснованием открытия новых средств печати, оставалась прежней: удовлетворение информационных потребностей местных промышленных, финансовых и торговых кругов, но теперь к ней добавилась важная новая составляющая – заметное увеличение числа заинтересованной читающей публики из числа обычных обывателей. Помимо традиционных потребителей печатного слова из числа местных помещиков, священнослужителей, военных, чиновников, купцов, появились или увеличились в числе другие читатели: врачи, преподаватели и учащиеся новых учебных заведений и представители не существовавших ранее в России технических специальностей.

В 1860-е гг. официальная печать за счёт

обязательных подписчиков могла зачастую ещё успешно конкурировать с частными изданиями. Например, в Киеве на первом месте по их числу находились «Руководство для сельских пастырей» и «Киевские губернские ведомости», а частным органам печати приходилось бороться за своего читателя друг с другом. Характерной чертой изданий этого периода становится острая полемика, заполнявшая значительный объём печатных страниц. «"Неуч, бездарный, безграмотный, помёт" и т. п. слова ещё можно считать за мягкие выражения конкурирующих ревнителей отечественной цивилизации; чаще же доходят до сильнейших: грубые доносы, грязные намёки, клеветы, угрозы сыплются без счёта» [20].

Недобросовестные издатели остро реагировали на появление упоминаний о своей газете не только в местной печати, но и, если это случалось, в столичной, пускаясь в подробные объяснения и обвинения конкурентов в безграмотности и недобросовестности. Однако дело чаще всего было не в болезненном самолюбии, не в желании отстоять свою позицию в том или ином вопросе, а в обычной конкуренции, которая выходила за рамки обыденных коммерческих отношений того времени.

Об этом с возмущением писал публицист «Новороссийских ведомостей»: «...разве торговцы доходят когда до возмутительных приёмов издателей? Разве бакалейщик "А", например, раздаёт своим покупателям рекламы, в которых бы говорилось, что, положим, в магазине "Б" самые дрянные товары, и что он сам купить ничего не умеет и не знает, где купить» [20]. Мало того, что таким способом можно было повергнуть своего конкурента, ещё и страницы газеты, в условиях «мелкотемья» и отсутствия новостей, заполнялись бесконечными перебранками, привлекавшими неприятеля читателя.

Середина 1860-х гг. знаменовалась ещё одним важным событием, отразившимся на развитии и провинциальной печати. Обстановка ожидания реформ и итогов их осуществления породила особое отношение к печатному слову. Современники к нему предъявляли особые повышенные требования, предусматривавшие обязательное отражение актуальных проблем и умонастроенный. Когда 4 апреля 1866 г. гранул выстрел Д.В. Каракозова, покушавшегося на жизнь

Александра II, была создана специальная комиссия, расследовавшая это преступление. Результатом явился рескрипт на имя вице-председателя Государственного совета П.П. Гагарина от 13 мая 1866 г., в котором были намечены «новые пути» правительственной политики, в том числе и по вопросам дальнейшего взаимодействия с печатью. В постановлении комиссии констатировалась наметившаяся особенность со стороны представителей правительства «прислушиваться к органам печати» и «действовать по их внушению», для завоевания собственной популярности [19, с. 238]. «Для того, чтобы устранить притязания журналистики, надо неуклонно пользоваться существующими мерами: предостережением и закрытием изданий, которые будут нападать на правительственные начала...» [19, с. 238].

Состояние растерянности властей, характерное для неожиданно возникшей ситуации, отразилось на мерах в отношении ведущих представителей столичной прессы (были закрыты журналы «Русское слово» и «Современник»). С провинциальными изданиями до поры до времени было всё гораздо проще, однако наиболее дальновидные представители правительства, например, министр внутренних дел П.А. Валуев, понимали, что это время может очень скоро пройти. П.А. Валуев был убеждён, что печать должна была находиться в ведении Министерства внутренних дел, осознавая при этом каким источником затруднений и неудобств это может для него стать. Однако министр понимал, что пресса может и уже стала «средством влияния и элементом власти» [10, с. 346].

Провинциальная периодическая печать, заметно численно подросшая во второй половине 1860-х гг., также выступала в качестве предмета такого влияния, поэтому были найдены и использовались новые оперативные способы осуществления контроля над ней: «Каждый раз, когда губернатор признает нужным принять против газеты какую-нибудь административную меру взыскания или возбудить судебное преследование, разрешение центральной власти могло бы быть испрашено и получено с помощью телеграфа в два-три дня или ещё скорее» [3, с. 51].

Общей закономерностью и ключевой особенностью провинциальной печати было

то, что здесь вице-губернатор выполнял цензорские функции, заметно затрудняя возможности подробного и честного описания региональной жизни [13, с. 25]. Однако одной из, несомненно, положительных тенденций, связанных с вступлением в силу нового закона о печати 6 апреля 1865 г. было заметное увеличение числа частной прессы в провинции.

По словам газеты «Москва», редакция нового закона «обхватывает почти все публичные проявления нашей общественной жизни» [18]. Московский орган печати также отмечал, что новым правительственным распоряжением «особенно мертвится» жизнь провинции, которая ещё не может «питаться домашнею местной гласностью», более того, по мнению автора статьи, больше всех теряет от такого ограничения печатного слова сама власть, отказавшись от принципов гласности «составивших славу нынешнего правительства» [18].

В развитии провинциальных газет, по мнению большинства их издателей, должно быть заинтересовано само правительство, если оно не хочет, чтобы его слуха «достигал лишь голос местных властей, и чтобы кроме этих официальных известий всё остальное, то есть сама жизнь провинциальная, безмолвствовало». Отсюда вытекал вывод о необходимости независимых органов гласности в провинции, «ежедневно докладывающих, что думает, чем озабочено, чего желает и что делает эта всё еще во многом таинственная русская провинция» [26]. «Сибирский вестник» отмечал, что в развитии провинциальной печати – задаток развития российского самоуправления, что губернская публицистика должна была положить конец многим безобразиям, «которые не истребишь ни ре-визиями, ни контролем, ни судебными преследованиями» [17, с. 425-426].

Правительственная политика применительно к частной печати строилась на более строгой основе, в сравнении с местными губернскими и епархиальными ведомостями. Например, осуществлялся регулярный внутренний обзор частной провинциальной прессы в Главном управлении по делам печати, а в отношении обязательного представления в Петербург губернских и епархиальных ведомостей было отдано распоряжение только 19 октября 1870 г. [1, 104], т. е. то-

гда, когда неофициальная часть этих газет зачастую становилась вполне самостоятельным изданием.

Сравнивая особенности нового закона 1865 г. с привычной предварительной цензурой, известный публицист, профессор государственного права А.Д. Градовский констатировал: «С предварительною цензурою боролись; изобретенную же в столицах "свободу" уступали, суживали и спускали по такой наклонной плоскости, что приходилось сомневаться в человеческом разуме и приравнивать к донкихотству простой гражданский долг и обыденное самоуважение. Некоторые чересчур напуганные издатели превосходили самую опасливую цензуру, являясь большими цензорами, нежели сама цензура» [12, с. 492].

А.Д. Градовский, находясь под впечатлением действия административных порядков в отношении столичной периодической печати, явно преувеличивал степень безобидности предварительной цензуры, продолжавшей действовать в отношении провинциальных изданий. В ее оправдание он приводил забавный эпизод из своей практики: «Помню однажды, цензорское перо положило красный крест на всю мою статью, уничтожило её целиком; но старичок-цензор тут же поинтересовался узнать кто автор и, удовлетворив свое любопытство, через посредство редактора просил мне передать своё извинение. "Очень хорошо, мне очень жаль, прибавил он, – но что же делать – нельзя". Вообще отношения были довольно благодушные, – рассуждал далее А.Д. Градовский, – и не раз случалось, что цензор, редактор и автор совокупно ломали голову, как бы так выразить и закутать в такие неуловимые формы верную мысль или полезный совет, чтобы не пропала статья, чтоб известное явление не было объединено молчанием, но чтобы не вышло и какого-нибудь "недоразумения" или "нахлобучки" со стороны местной администрации или из Петербурга» [12, с. 493].

На самом деле печать гораздо в большей степени страдала от предварительной цензуры и далеко не все цензоры были похожи на «добрых старичков» из истории А.Д. Градовского. Провинциальная же печать зависела от прихоти, благосклонности и просвещённости губернской власти, страдала от

ее произвола и косности. Правда на отдельных территориях, например, в Восточной Сибири, чиновники сами являлись не только цензорами, но и издателями, и редакторами частных газет, а объяснялось это дефицитом кадров местной интеллигенции [14, с. 76].

Многообразные ситуации, связанные с особенностями функционирования российского чиновного мира, зачастую имели непрогнозируемый характер. Например, сотрудник газеты «Орловский вестник» И.П. Белокопский вспоминал, что у этого губернского издания в качестве цензоров выступало четыре человека: губернатор, вице-губернатор, два советника правления. Произошло это не по причине необходимости особого контроля над газетой, а просто потому, что каждый из названных цензоров тяготился своими цензурными обязанностями и по возможности передавал их одному из своих коллег-чиновников. «Орловский вестник» из-за этого испытывал дополнительные трудности, поскольку каждый из членов губернского правления имел свое видение проблем печати. Однако и этого было мало: к четырем названным чиновникам ещё добавлялась дочь одного из советников, исполнявшая иногда эти обязанности вместо отца [4, с. 192].

«Канцелярский либерализм», как и «бюрократический сепаратизм», в 1860-е явился предметом обсуждения в Комитете министров, результатом которого стало появление высочайше утверждённого решения от 22 июля 1866 г., предписывавшего всем служащим подчиняться «законным требованиям губернатора и оказывать ему должное уважение», вне зависимости от старшинства, класса, должности или чина [6]. В условиях проводимых реформ провинциальный канцелярский мир стал плохо управляем даже с точки зрения центральных властей и требовал определенных вмешательств с их стороны.

Разумеется, подобного рода тенденции имели различную степень проявления в тех или иных губерниях, но не могли не сказаться на развитии местной печати. Если раньше положение провинциальной газеты было напрямую связано с благосклонностью «просвещённого администратора» в лице губернатора, то теперь она могла в полной мере быть зависима от «различных председателей,

асессоров и управляющих губернских канцелярий», которые зачастую выступали «какими-то самостоятельными державами», а поэтому и отношения местной печати к себе и своим действиям требовали соответствующего своему положению.

В особой мере в 1860-е гг. было ограничено из-за действий местной цензуры «обличительное направление» деятельности провинциальной прессы. Примечательно, что такие ограничения возникали и в тех случаях, когда её деятельность не выходила из «рамки общих законов о печати». Впрочем, эта ситуация имела продолжение и в последующие годы, поскольку во второй половине 1880-х гг., по свидетельству одного из участников событий, местная цензура по-прежнему не имела «подробной инструкции для руководства, при исполнении своих обязанностей, далеко не лёгких, ввиду того, что должностные лица, на которых возложена цензура, обременены другими сложными занятиями» [25, с. 436]. Вполне объяснимо, что на фоне этих проблем чиновники с огромным нежеланием относились к возможности появления новых провинциальных изданий, которые ничего кроме дополнительных хлопот им принести не могли.

За редким исключением губернаторы из-за общности ситуации также демонстрировали на этот счет единство точек зрения. Речь может идти лишь о некоторых нюансах. Одни считали, что местное население в качестве регулярного потребителя печатного слова умственно для этого ещё не созрело, другие проявляли заботу о доходах чиновников губернского правления и не допускали никакой конкуренции издаваемым им губернским ведомостям, третьи являлись «запретителями» не столь откровенными и даже пытались выставить себя мнимыми сторонниками свободного слова в печати, но одновременно с этим осознавали угрозу возможной, пусть и не значительной критики в свой адрес, а потому отдавали решение об открытии нового издания на откуп чиновников Главного управления. Впрочем, российский провинциальный административный аппарат хранил в себе множество тонких различий, которые, однако, не влияли на главный итог его отношения к проблеме создания и развития провинциальной печати. Таким образом,

без ограничения зависимости редакций газет от местной администрации, губернская пресса не могла «ни окрепнуть, ни развиться, ни даже возникнуть» [26, № 11].

Предварительная цензура выступала серьёзным, но не единственным препятствием для успешного развития губернской прессы в этот период. Редактор «Донского вестника» в 1867 г., говоря о причинах неудовлетворительного состояния местной печати, выделял в виде своеобразной «двуединой» проблемы «апатию, в которой пребывает провинциальная общественная жизнь, и <...> грошковые средства, которыми обладают провинциальные редакции газет» [22]. В большинстве случаев на первый план выходила и проблема количества читателей газеты. «Ясно, что, смотря по развитию и настроению общества или части его, увеличивается или уменьшается прилив подписчиков в той или другой газете. Притом масса, даже у нас, довольно подвижная и желания её часто изменяются и оттого газеты, играющие на слабых струнах её сердца, падают или возвышаются, смотря по тому – ретроградное или прогрессивное колебание делает общество в известный момент своей жизни» [20]. Это суждение «Новороссийских ведомостей», вышедших в Одессе, не в полной мере отражало проблемы печати в других районах страны, где вопрос стоял не в том, чтобы угодить колебаниям настроений публики, а просто, чтобы иметь хотя бы ограниченное число людей, включавших газету в число предметов своей жизненной привычки или необходимости.

В 1860-е гг. страницы периферийных газет были полны сетованиями на безразличие губернского обывателя. «Прибавьте к этому и такое понятие большинства публики о газетном деле, которая в обличении или даже в замечании видит неправду и через это делается врагом автора или редактора, – восклицал публицист «Донского вестника» в ответ на критику местной печати из столицы, – то вам, столичным журналистам или газетам, останется смеяться над своими насмешками» [22]. Ничего не было удивительного в том, что провинциальное общество в тот период ещё не приобрело привычки серьёзно размышлять над проблемами, стоявшими перед ним. Для этого необходимо было время, а

главное – систематическое участие той же местной печати в решении этих вопросов.

Ключевым положительным явлением, сказавшимся на судьбе печати в провинции, явилось осуществление судебной, а особенно – земской реформы. В 1865 г. «Санкт-Петербургские ведомости» констатировали, что земские учреждения начали свою деятельность в провинции, покрыв её сетью выборных собраний, «свободно обсуждающих все дела и вопросы местного интереса», а в скором времени рядом с земским самоуправлением, «как необходимое дополнение его, должно явиться самоуправление городское» [17, с. 428-429]. Земские вопросы постепенно завоевали всё больше и больше места на страницах местной печати, подтверждая тем самым очевидный факт, что благодаря разнообразию общественной жизни в провинции преодолевается однообразие её печатных органов. «Сибирский вестник» в 1865 г. утверждал, что с открытием земских учреждений административные вопросы выдвигаются на передний план, а «разрабатывать их – удел, конечно, не столичных деятелей, а местных; <...> при предстоящих преобразованиях хотя бы в городском устройстве, мы бы привыкли рассуждать сперва печатно о своих интересах, а потом уже выражать свободно свои мнения и в общественных собраниях» [17, 425].

В начале 1866 г. «Санкт-Петербургские ведомости» в своей передовой статье обращались к проблеме развития провинциальной печати в связи с развернувшейся деятельностью земств: «Местные земские учреждения без своих печатных органов – это всё равно, что лампа без фитиля; общественное самоуправление на выборном начале без гласности – это право на жизнь без пищи и без воздуха, которыми жизнь поддерживается», – весьма образно писала газета [26, № 11]. Между тем закон о земских учреждениях предписывал печатать их постановления в казенных губернских ведомостях, которые отличались строго официальным взглядом на возникавшие в различных местностях земские проблемы. Земские собрания в ряде мест даже возбуждали вопрос о необходимости передачи губернских ведомостей в руки земств, что, однако, было «признано неудобным» [26, № 168].

Об особой активности местной печати

в освещении земских вопросов можно судить по правительственным мерам в их отношении. Александр II утвердил 13 июня 1867 г. мнение Государственного совета «О порядке печатания постановлений, отчётов о заседаниях, а также суждений, прений и речей, состоявшихся в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях». На основе представления министра внутренних дел П.А. Валуева, в дополнение к Временным правилам о печати 6 апреля 1865 г., было установлено, что печатать такого рода материалы можно не иначе, как с разрешения местного губернского начальства [23, т. 42, ч. 1, № 44691]. Таким образом, Государственный совет отменил свое прежнее решение от 6 апреля, предоставлявшее право для печати обнародовать без особых разрешений земские отчёты, суждения, прения и речи (ограничивалась лишь возможность печатания постановлений).

В 1869 г. газета «Голос» констатировала: «Теперь каждый гласный, выступая в собрании, теряется, исчезает в цельности учреждения; его личное мнение пропадает в однообразии протоколов, журналов и отчётов» [9]. В этой же статье был напечатан такой анекдот: на вопрос профессора на экзамене о том, кто председательствует в земском собрании, студент отвечал: «Губернатор». В ответ на возмущение экзаменатора – «Ведь это можно узнать даже из газет», – студент буквально воскликнул – «Но, г. профессор, о земских учреждениях так мало пишут!» [9]

Земские проблемы отразились на судьбах провинциальной печати и с ещё одной, не столь очевидной, но важной стороны. О ней писала «Камско-волжская газета» в статье под названием «Летучая интеллигенция»: «Вдруг в какой-нибудь провинции появляется некоторая предприимчивость и оживление. Работает деятельно местный статистический комитет, оживляются "Губернские ведомости" и наполняются литературным материалом, издаются этнографические сборники, памятные книжки, юридические обычаи, разрабатываются местные архивы, появляются иногда Потребительские общества, Общества грамотности, местная библиотека процветает и чтение расширяется» [15].

По утверждению газеты, в очень скором

времени, однако, могла возникнуть совершенно обратная картина: «"Губернские ведомости" принимают свой старый печальный образ, сжимаются до казенных и частных объявлений в один листочек, вместо передовой статьи появляется объяснение разве местного господина полицеймейстера с обывателями в предупреждение скорой беды, статистические комитеты ударяются в рутину и довольствуются статистикой волостных писарей, известной под именем "пьяной статистики", губернская библиотека книг новых не выписывает, подписчики уменьшаются и на губернском Парнасе, заросшем травой, бродят разве случайно забредающие ослы» [15].

Причиной столь резких изменений в жизни губернского города, которые происходили довольно часто, было названо отсутствие постоянной местной интеллигенции, связанной с провинцией и местом рождения, и земельной или недвижимой собственностью. Более того, «лучший контингент выходит из людей служащих, которые исключительно летучего, а не постоянного оседлого свойства». Подобные «приливы и отливы» людей были свойственны и Петербургу, но там потери быстро пополнялись новыми выходцами из той же провинции. Выход из ситуации, когда губерниям приходилось довольствоваться «случайной интеллигенцией», газета видела в тех переменах в жизни России, которые проявились, в том числе, в создании местных земских учреждений, способствовавших «накоплению и, так сказать, осадке местной интеллигенции». Отсюда и ещё один важный вывод – на окраинах империи, где новые учреждения ещё не были созданы, общество испытывало влияние одной «летучей интеллигенции», которая ко всему прочему оказывалась в столь непривлекательных местах главным образом ради выгод, предоставляемых службой. Такими местами, по мнению газеты, являлись «север России, отдалённая Сибирь, Ташкент и т. п.» [15].

Несмотря на все сложности развития и отрицательные явления, присущие печати 1860-х гг. в провинции, число газет в губернии постепенно возрастало, а главное – они превращались в привычное явление здешней жизни: «...публицистика всё ближе и ближе становилась к обществу, пользуясь тем расширением границ, которые предоставляло ей

само правительство, – с удовлетворением констатировал в 1867 г. публицист астраханского «Востока», – со своей стороны и общество постепенно свыкалось с мыслью о проверке своих действий заявлениями публицистики и только в близорукости и отсталости встречает она себе или прямую вражду или апатию» [7]. Необходимо также отметить, что экстренные административные мероприятия

правительства, действия, направленные на совершенствование цензурного законодательства, в этот период ещё являлись предупредительными и действенными в отношении провинциальной печати, в отличие от последующего времени 1870-х – 1880-х гг., когда они всё чаще становились лишь запоздлой ответной реакцией на процессы, происходившие в губернской прессе.

Список литературы

1. «Ничего противного закону, правительству и добронравию...». Взаимодействие органов государственного управления с печатью дореволюционной России. Сборник статей. М.: Издательство РАГС, 1999.
2. Агапов В.Л. Последняя война: Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы. Владивосток, 2018. 456 с.
3. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903. 264 с.
4. Белоконский И.П. Цензурная нецензурность // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний. СПб., 2003. С. 191-193.
5. Блохин В.Ф. Провинция газетная: государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск: Курсив, 2009. 383 с.
6. Весть. 1866. № 91. 14 ноября.
7. Восток. 1867. № 5.
8. Глинский Б.Б. Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. Январь. С. 292-333.
9. Голос. 1869. № 336. 5 декабря.
10. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел в двух томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. I. (1861–1864 гг.). 422 с.
11. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2011. 444 с.
12. К истории русской печати: воспоминания о судьбе, постигшей газету «Русское обозрение» в 1876–1878 гг. // Русская старина. 1882. № 2. С. 491-510.
13. Козлов А.Е. Трансформация жанра внутренних обозрений в провинциальном тексте русской литературы XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 25-27.
14. Кузнецов А.А., Аграфонов М.Ю. Чиновники и периодическая печать в Восточной Сибири во второй половине XIX в. – контроль и сотрудничество // Известия Иркутского ун-та. Сер. История. 2014. Т. 9. С. 72–77.
15. Летучая интеллигенция. (Факт из провинциальной жизни) // Камско-волжская газета. 1873. № 122.
16. Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать и цензура // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 1. С. 109–120.
17. Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утверждённою 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Часть четвёртая. Отзывы повременной литературы о действующих у нас узаконениях и последовавших с сентября 1865 года правительственных распоряжениях по делам печати. СПб., 1870. 749 с.
18. Москва. 1867. № 103. 10 августа.
19. Незабвенные мысли незабвенных людей (Из истории реакции 60-х годов) // Былое. 1907. № 1/13. С. 238.
20. Новороссийские ведомости. 1869. № 2.
21. Патрушева Н.Г. Теория «нравственного влияния» на общественное мнение в правительственной политике в отношении печати в 1860-е гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начала XX в. СПб., 1994. Вып. 7. С. 113-125.

22. По поводу жалкого состояния провинциальной прессы // Донской вестник. 1867. № 42.
23. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е.
24. Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865–1917). Владивосток, 2000. 239 с.
25. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Сост. Воскресенский Н.В. Т. I. С. 436.
26. С.-Петербургские ведомости. 1866.
27. Силакова Д.В. История курской печати: 1792–1917. Курск, 2018. 185 с.
28. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2016. 622 с.

RUSSIAN PROVINCIAL PERIODICAL PRESS of the 1860s.: FACTORS OF FORMATION

The article deals with little-studied issues of the history of the private periodical press, which was issued in different regions of the country in the second half of the 19th century. As the object of his research, the author chose private publications of the Russian province of the 1860s. On the basis of the analysis of the censorship legislation of that time, by attracting previously unknown documents and materials, the article outlines the features of the bureaucratic mechanism for controlling the provincial press. The author comes to the conclusion that the system of control over the press in the province that was created and did not meet the tasks of reforming the country demonstrated its limitations in practice. At the same time, the course of reforms in the country, especially the implementation of the Zemstvo reform, the interest of the authorities themselves in developing “press freedom” and obtaining reliable information from the field, gave new impetus to the development of the local press in the 1860s. The main new phenomenon in the spiritual life of the province is the appearance of a rare type of publication, a private social and political newspaper, against the background of traditional types of press (information sheets). Another important trend is the increase, despite artificial restrictions, the number of provincial publications.

Keywords: province, provincial periodical press, Provisional Rules April 6, 1865, private socio-political newspaper, leaflet newspapers, preliminary censorship

References

1. «Nichego protivnogo zakonu, pravitel'stvu i dobronraviyu...». Vzaimodeystviye organov gosudarstvennogo upravleniya s pechat'yu dorevol'yutsionnoy Rossii. ["Nothing contrary to law, government and good will ...". The interaction of government with the press of pre-revolutionary Russia]. Sbornik statey. M.: Izdatel'stvo RAGS, 1999.
2. Agapov V.L. (2018). Poslednyaya voyna: Rossiya v Pervoy mirovoy voyne v zerkale dal'nevostochnoy pressy. [The Last War: Russia in World War I in the mirror of the Far Eastern press]. Vladivostok. 456 s.
3. Arseniev K.K. (1903). Zakonodatel'stvo o pechaty. [Legislation on the press]. SPb. 264 s.
4. Tsenzurnaya netsenzurnost' [Censorship obscene]//Tsenzura v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Sbornik vospominaniy [Censorship in Russia in the late XIX - early XX centuries. Collection of memories]. SPb. 2003. 191-193.
5. Blokhin V.F. (2009). Provintsiya gazetnaya: gosudarstvennoye upravleniye periodicheskoy pechat'yu i stanovleniye gazetnogo dela v rossiyskoy provintsii (1830-ye – 1870-ye gg.). [Newspaper province: state administration of periodicals and the formation of newspaper business in the Russian province (1830s - 1870s)]. Bryansk: Kursiv. 383 s.
6. Vest'. [The message]. 1866. № 91. November, 14.
7. Vostok. [East]. 1867. No. 5.
8. Glinskiy B.B. (1898). Russkaya periodicheskaya pechat' v provintsii [Russian periodicals in the province]// Istoricheskiy vestnik. [Historical Bulletin]. January. 292-333.
9. Golos. [The Voice]. 1869. №. 336. December, 5.
10. Dnevnik P.A. Valuyeva, ministra vnutrennikh del v dvukh tomakh. [Diary of P.A. Valuev, Minister of the Interior in two volumes]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. T. I. (1861–1864). 422 s.
11. Zhilyakova N.V. (2011). Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovleniye i razvitiye [Journalism of the city of Tomsk (XIX - beginning of XX century): formation and development]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-та. 444 s.
12. K istorii russkoy pechaty: vospominaniya o sud'be, postigshey gazetu «Russkoye obozreniye» v 1876–1878 gg. [On the history of the Russian press: memories of fate that befell the newspaper Russkoye Obozreniye in 1876–1878]// Russkaya starina [Russian antiquity]. 1882. № 2. 491-510.

13. Kozlov A.E. Transformatsiya zhanra vnutrennikh obozreniy v provintsial'nom tekste russkoy literatury XIX v. [Transformation of the genre of internal reviews in the provincial text of Russian literature of the XIX century]// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Tomsk State University]. 2013. № 372. 25-27.
14. Kuznetsov A.A., Agrafonov M.Yu. Chinovniki i periodicheskaya pechat' v Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. – kontrol' i sotrudnichestvo [Officials and periodicals in Eastern Siberia in the second half of the 19th century - control and cooperation]// Izvestiya Irkutskogo un-ta. Ser. Istoriya [Bulletin of Irkutsk University]. Ser. Story. 2014. Vol. 9. 72–77.
15. Letuchaya intelligentsiya (Fakt iz provintsial'noy zhizni) [The flying intelligentsia. (Fact from provincial life)]// Kamsko-volzhskaya gazeta. 1873. № 122.
16. Mandrika Yu.L. Provintsial'naya chastnaya pechat' i tsenzura [Provincial private press and censorship]// Vestnik Moskovskogo un-ta [Bulletin of the Moscow University]. Ser. 10. Journalism. 2008. № 1. 109–120.
17. Materialy, sobrannyye osoboyu komissiyeyu, vysochayshe utverzhdonnoyu 2 noyabrya 1869 goda, dlya peresmotra deystvuyushchikh postanovleniy o tsenzure i pechati. Chast' chetvortaya. Otzyvy povremennoy literatury o deystvuyushchikh u nas uzakoneniyyakh i posledovavshikh s sentyabrya 1865 goda pravitel'stvennykh rasporyazheniyakh po delam pechati [Materials collected by a special commission, the highest approved on November 2, 1869, for the revision of existing resolutions on censorship and the press. Part Four. Reviews of time-based literature about the legalizations in force in our country and the government press orders that followed in September 1865]. SPb., 1870. 749 s.
18. Moskva [Moscow]. 1867. № 103. August, 10.
19. Nezabvennyye mysli nezabvennykh lyudey (Iz istorii reaktsii 60-kh godov) [Unforgettable thoughts of unforgettable people (From the history of the reaction of the 60s)]// Byloye [Past]//1907. № 1/13. 238.
20. Novorossiyskiye vedomosti [Novorossiysk statements]. 1869. No. 2.
21. Patrusheva N.G. (1994). Teoriya «nравstvennogo vliyaniya» na obshchestvennoye mneniye v pravitel'stvennoy politike v otnoshenii pechati v 1860-ye gg. [The theory of “moral influence” on public opinion in government politics regarding the press in the 1860s]// Knizhnoye delo v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachala XX v. [Book business in Russia in the second half of the XIX - beginning of XX centuries]. SPb., Vyp. 7. 113-125.
22. Po povodu zhalkogo sostoyaniya provintsial'noy pressy [Regarding the miserable state of the provincial press]// Donskoy Vestnik. 1867. № 42.
23. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI) [The complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Sobr. 2-ye.
24. Prudkoglyad T.V. (2000). Listaya pozheltevshiyе stranitsy... K istorii periodicheskoy pechati Dal'nego Vostoka Rossii (1865–1917) [Turning over the yellowed pages ... On the history of the periodical press of the Russian Far East (1865–1917)]. Vladivostok. 239 s.
25. Pyatidesyatiletie «Voronezhskikh gubernskikh vedomostey». Istoricheskiy ocherk s biografiyami redaktorov i sotrudnikov. Sost. Voskresenskiy N.V. [Fiftieth anniversary of the Voronezh Provincial Gazette. Historical essay with biographies of editors and staff. Comp. Voskresenskiy N.V.] T. I. 436.
26. S.-Peterburgskiyе vedomosti [St. Petersburg Gazette]. 1866.
27. Silakova D.V. (2018). Istoriya kurskoy pechati: 1792–1917 [The history of the Kursk press: 1792-1917]. Kursk. 185 s.
28. Shevtsov V.V. (2016). Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [The government periodical of Siberia (second half of the 19th - early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk Publishing House. University. 622 s.

Об авторе

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valery Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrovsky Bryansk State University, E-mail: blohin.val@yandex.ru